

Несмотря на зловещую ауру, его вид мог легко заставить наблюдателя потерять рассудок, как загипнотизированный голос сирены в море. Взгляды Бай Цинъюэ были достаточно смертоносны, чтобы уничтожить человека и полностью овладеть им.

К счастью, наблюдатель на этот раз был его отцом и, как таковой, был невосприимчив к тому же обаянию, которым он сам обладал.

Бай Чжан жаждал ругать сына, но он сохранял спокойствие. Сложив руки за спиной, его голос звучал непринужденно, когда он говорил: «О? Вы изменили план, включая лишение всех моих учеников их одежды на рынке, или это было, чтобы сбрить все их головы?»

Бай Цинъюэ, с такой же высокомерной манерой, которая подходила только господину, усмехнулся и сказал: «Я позволил им с легкостью отнестись к вам,» отцу ». В противном случае,

Слова Бай Цинъюэ были пугающе холодными, температура падала вместе с его настроением.

Глядя на тщательно выстроенные стены, Бай Чжан с грустью обнаружил, что слой льда действительно покрыл его дом.

Он съежился, но успел спокойно и собранно повторить: «Независимо от того, что они сказали, вы не можете делать, как хотите. Это секта, которую я усердно поддерживал, и у нее есть свои собственные правила и положения».

Изыщество Бай Цинъюэ на мгновение сломалось, когда он нахмурился, хлопнув подлокотником кулаком.

Он яростно поднялся на ноги, когда дорогой лакированный стул рассыпался в пыль.

«Какие правила? Правила? Были ли у вас или вашей секты какие-либо правила и нормы, когда вы пытали мою жену?! Этого небольшого основания более чем достаточно для того, чтобы я сжег этот мир до корки!» Бай Цинъюэ оцетинился, Пагода задрожала от гнева, и пол треснул под ним.

К концу ночи Бай Чжан боялся, что потеряет свой драгоценный дом.

Он сжал пространство между бровями и вздохнул. Ему очень понравилось это кресло ...

Бай Чжан вырос, узнав все о человеческом нравственном поведении и адекватной степени доброжелательности, которую должен проявить Господь Бог, обладающий разрушительными способностями. И все же он был известен как ужасный и жестокий, не заботящийся ни о чем и ни о ком, несмотря на то, чему его учили.

Этому ужасному и жестокому богу казалось, что его потомство оказалось в десять раз хуже. Случайно угрожать разрушению целого мира со всеми триллионами форм жизни, живущих в нем, было слишком много, чтобы Бай Чжан мог когда-либо подумать.

Союз между Бай Цинъюэ и Ли Мейронг внезапно обрел смысл для отца Бай. Неудивительно, что у его невестки был совершенно противоположный характер, подумал Бай Чжан.

Ин и Ян работали именно так. Одна сторона уравнивала другую, чтобы создать гармонию, и Бай Цинъюэ нужно было много баланса, без сомнения об этом!

«Не угрожайте вашему старику сейчас. Я обещал помочь вам, как и раньше, но мне нужно, чтобы это царство было в безопасности, я... жду кого-то. Я не могу покинуть этот мир».

«О небольшом недоразумении с твоей женой, я сожалею о своих действиях. Мы исправим это завтра, когда я объявлю ее своей личной ученицей, а ты получишь должность инструктора боевых искусств». Нахмурившись, Бай Чжан успокоил сына и поспешно добавил: «Просто, пожалуйста, держи свои силы в страхе. Если есть какие-то проблемы, отец справится с ними».

Казалось, убеждение сработало, по крайней мере, на поверхности. Кровожадность Бай Цинюэ отступила, когда он приблизился к краю балкона. тихо глядя на те же белые лепестки, что и Бай Чжан раньше.

Бай Цинюэ, не принимая просьбу отца и не отклоняя ее, сказал: «Об этом, мне нужно, чтобы вы сотрудничали со мной. Предполагая, что все идет хорошо, я пока сохраню это царство в неприкосновенности».

Для него этот мир был крошечным муравейником, который можно раздавить в любой момент. Если бы он мог использовать это в качестве рычага, чтобы иметь свои пути, Бай Цинюэ не возражал бы против этого.

Бай Чжан был его отцом, а Бай Цинюэ - суверенным лордом. Этот факт означал, что решение уничтожить миры было оставлено в руках сына. Бог, действующий вне очереди, мог быть наказан небесами, но это было в пределах права суверенного лорда на точное наказание, сфера его владычества включала истребление планет.

Когда Бай Чжан уговорил своего собственного сына проявить снисходительность, это было именно потому, что Бай Цинюэ имел полномочия делать то, что ему нравилось в статусе Правящего Бога. Бай Цинюэ не шутил. Он действительно мог уничтожить этот мир мгновенно.

Честно говоря, Бай Чжан чувствовал себя немного горько за то, что так легко передал половину своих полномочий этой тикающей бомбе замедленного действия сына.

"Какой у тебя новый план?" Бай Чжан уныло спросил. В ожидании очередного вымогательства.

Яркие глаза Бай Цинюэ отразились в свете луны. Свободные серебряные пряди, обрамляющие стороны его эфирного лица. Он повернулся к отцу, сдерживая голос и очень подробно объясняя свои требования.

Бай Чжан недоверчиво уставился на своего сына. Он чуть не потерял сознание от разочарования.

Он поднял взгляд к небу, только чтобы заметить, что светящаяся луна имеет форму, которая странным образом казалась над ним издевательской.

Как, молись, скажи, чтобы он помог этому бесстыдному мальчику создать впечатление искреннего, честного, бедного и скромного человека ?!